

А.К.Субботин

Некоторые аспекты мирового развития и терроризм в условиях глобализации

*Some aspects of the world development
and terrorism under terms of globalization*

Введение. Динамика структуры управления мировым сообществом

Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г., какими бы дерзкими и масштабными они ни представлялись, несут в себе информацию об организациях и людях, которые за ними стояли, т.е. о субъектах деятельности мирового сообщества, которое имеет определенную ныне действующую систему управления. Она существенно отличается от той, которая была сформирована странами – победительницами во Второй мировой войне более половины века назад, или той, которая существовала за два десятилетия до сегодняшних дней.

Коренным отличием современной ситуации в сфере отношений бизнеса и государства от той, которая сложилась сразу после Второй мировой войны, стал переход принятия решения по принципиальным вопросам мирового развития от группы политических руководителей ведущих стран мира напрямую к владельцам и высшим менеджерам ведущих глобальных компаний. При этом политические руководители государств существенно в большей мере выступают сегодня в качестве скорее координаторов деятельности глобальных компаний, чем лица, са-

мостоятельно принимающие ответственные решения. Для России это означает начало нового исторического этапа, на котором ей придется, в том числе руками государства, в кратчайшие сроки создать и развернуть сети транснациональных компаний, штаб-квартиры которых находятся в России и наиболее эффективные из которых должны быстро выйти на уровень глобальных. Более чем жесткие условия конкуренции безоговорочно диктуют российскому обществу этот единственный сценарий, без которого государство не сможет занимать в мире позиции, достойные истинных масштабов его человеческого и природного потенциала.

Перераспределение функций между государством, ведущими ТНК и трансформируемыми международными организациями, которое является сущностью процесса глобализации, сопровождается острыми проявлениями противоречий между бедностью и богатством, между отдельными группами глобальных компаний, более открытым противоборством между ТНК ведущих западных стран и ТНК, возникающими в странах среднего уровня развития – России, Китае, Индии. Одной из форм проявления этих противоречий стали события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. Смысл ставшего популярным утверждения о том, что после 11 сентября мир стал иным, состоит не в том, что этот день стал своеобразной границей между двумя эпохами терроризма, а в том, что использование терроризма как инструмента в достижении политических и экономических целей имеет свои пределы, и в том, что корни происшедшего нужно искать в глобальной политике самих Соединенных Штатов. Тем более актуальным представляется приведенное ниже рассмотрение воздействия на терроризм такого существенного фактора, как углубление разрыва между бедностью и богатством, локомотивом и носителем которого являются Соединенные Штаты.

1. Мировое развитие и США как главный объект терроризма

Последние два десятилетия ушедшего века принесли существенные изменения не только в мировой политике и экономике на макроуровне.

Трансформация деятельности глобальных компаний на основе пришедших в бизнес информационных технологий, связанное с этим ужесточение конкуренции, поляризация бедности и богатства как в рамках отдельных стран, так и в мире в целом, значительное отставание роста физического капитала от фиктивного, неподготовленность ведущих западных стран к формированию периферийных сегментов мирового рынка за счет повышения покупательной способности четырех из шести миллиардов жителей планеты, – все это не могло не отразиться на масштабах, формах и динамике террористической деятельности.

Одним из подходов к анализу развития деятельности террористических групп в мире является рассмотрение модели «США против терроризма и обратно». США оказались единственной страной в мире, которая в 90-х годах по ряду причин вынуждена была предпринять ряд действенных мер на законодательном, финансовом и организационном уровнях и гораздо в большей мере, чем любая другая страна, были готовы к отражению террористических атак. С 2000 г. годовые расходы на антитеррористические мероприятия стали составлять 10 млрд. долл. Однако события 11 сентября показали, что в действительности США остались не менее уязвимы, чем вся остальная часть мира.

По мнению экспертов (9, с.324), статус США как единственной супердержавы сам по себе провоцирует осуждение и агрессивные действия. США рассматривают как страну, навязывающую американские ценности. Она требует присоединения к ее позиции по правам человека, ограничению деятельности наркомафии, борьбе с коррупцией и отмыванием денег, свободной торговле, защите окружающей среды и интеллектуальной собственности, – т.е. всего, что превращает США в «муллу» всего Запада.

Еще большие отрицательные эмоции у тех, кто стоит за исполнителями террористических актов, вызывает систематическое нарушение многих положений, приведенных выше и выдвигаемых США как правила, которые должны соблюдать другие, но не они сами. Это один из классических принципов управления для случаев, когда сами объекты управления не в состоянии что-нибудь изменить в таких правилах игры. И тогда на помощь обиженным приходят террористы.

В самих Соединенных Штатах полагают (10), что из 1,2 млрд. мусульман в мире, по разным оценкам, от 10 до 15 % являются воинствующими поборниками ислама как культа, что означает около 100 млн. человек, которые в большей или меньшей степени являются приверженцами насильственного насаждения ислама. По оценкам, от десятков до сотен тысяч из них будут готовы пойти на самоуничтожение ради гибели врагов ислама. Министерство юстиции США опубликовало список 46 организаций, признанных террористическими (3).

Анализ 64 террористических акции против США в период с 1983 по 1998 г. (11, с.102–103) показывает, что это результат двух коррелирующих процессов. Первый – усложнение общей картины современного мира, что выражается в перечисленном выше наборе факторов. Второй состоит в том, что из всех стран, которые содействовали становлению террористических организаций, сами Соединенные Штаты могут оказаться лидером, если учесть деятельность американских спецслужб еще в период «холодной войны». При этом нельзя не отдать должное искусству американских политиков в умении обращать ситуацию в свою пользу, что становится возможным, как правило, если соответствующие сценарии заблаговременно разрабатывались с учетом такого развития событий. Достаточно привести два совершенно разноплановых примера. Без участия США талибы никогда бы не обрели военной силы, но пришло время, была искусно создана возможность их героического разгрома в интересах всего мирового сообщества.

2. Мотивация терроризма

Террор – индивидуальный, групповой или разветвленный международный – всегда инициируется личными амбициями, стремлением к власти и богатству. В зависимости от уровня подготовки, участия, организации и масштабов задач, решаемых с помощью террористических акций, содержание мотивации может носить индивидуальный характер или быть направленным на психологическую обработку исполнителей, для обоснования своих действий широкой общественности, либо, если решаемая задача напрямую в той или иной мере связана с объектом террористичес-

кой акции, – она может быть выражена в виде конкретного условия или требования.

Наиболее распространенной и практически очень удобной мотивацией терроризма являются разногласия на религиозной почве. Их всегда легко искусственно подогреть, что, например, широко наблюдалось в период перестройки в ряде республик СССР. И хотя примеров террористических акций и даже принявших характер постоянного острого противостояния на религиозной основе можно привести немало, в том числе в Европе, не случайно именно исламские страны стали очагом ваххабизма, стимулирующего формирование террористических организаций и подменяющего гуманные основополагающие основы религии экстремистскими и очень опасными догмами. Исторически сложилось так, что исламские страны, как правило, располагая богатейшей культурой, в зависимости от региона и исторических условий развития оказались условно разделенными на три группы: бедные страны Центральной и Южной Азии, средне-развитые страны Юго-Восточной Азии с ориентацией развития на сборочное производство наукоемкой продукции для западных стран, богатые страны Ближнего Востока. В каждой из этих групп стран есть свои мотивы для недовольства развитыми странами, в том числе Россией, и ислам представляется наиболее удобным инструментом для мотивации террористической деятельности.

Тот факт, что Усама бен Ладен, гражданин Саудовской Аравии, один из богатейших людей этой самой богатой страны Персидского залива, стал одним из лидеров международного терроризма, заслуживает особого рассмотрения и выявления мотивов построения его собственной жизни таким неординарным и разрушительным путем как для него, так и для окружающей его человеческой среды. Как известно, условия жизни арабских шейхов, особенно если принять во внимание своеобразие восточных семейных обычаев, – предмет острой зависти многих миллионов жителей планеты. Однако при этом часто не учитывается, что деньги и власть – разные стороны одной и той же медали. Но не везде. Если в маленькой стране проживает много действительно богатых шейхов, властные устремления многих из них оказываются ущемленными, а реализовать себя за рубежом оказывается еще сложнее.

Особое внимания заслуживают крупные страны с мощной экономикой, на территориях которых удобно использовать ислам для достижения или, по крайней мере, продвижения к своим политическим и экономическим целям. Чечня была одним из беднейших и наиболее неразвитых регионов Советского Союза. Кроме нефти, в этом регионе нет ничего, что активно способствовало бы развитию экономики. То же самое можно сказать о Туве и еще трех десятках регионов страны. Однако сочетание неблагоприятных исторических особенностей в XX в. и ислама, а также определенные силы за рубежом, которым вообще выгодно ослабление России, крупные стратегические ошибки руководства страны в 90-х годах, – все это способствовало возникновению двух кровопролитных войн на малой территории, которые вел не народ Чечни, а местные и международные террористы. Результат – бедствие для народа России, частью которого является и чеченский народ, очевидное обогащение полевых командиров и всех, кто поощрял развязывание и искусственное развитие конфликта.

Существенно более сложной представляется мотивация террористических действий по отношению к Соединенным Штатам. Здесь она представляется более широкой и глубокой. Даже при самом критическом восприятии военно-политической активности СССР в послевоенный период количество военно-политических акций и использования террористических групп третьих стран Соединенными Штатами в процессе «холодной войны» было ощутимо более масштабным, что связано прежде всего с наличием более широких финансовых возможностей. С распадом Советского Союза для сохранения военной машины и в первую очередь обеспечения государственных заказов производителям вооружений понадобился новый противник. И такой противник не заставил ждать своего появления в лице международного терроризма. При этом те группы, которые были взлелеяны самими Соединенными Штатами, оказались по другую сторону баррикад. Ими оказались, в частности, талибы и организация Усамы бен Ладена.

Однако было бы неоправданным упрощением сводить мотивацию исламских террористов к ненависти против США. Существенно более опасными для Соединенных Штатов представляются мотивы террористической

деятельности самих граждан США. Например, белый американец Тимоти Маквей в качестве мотивов организации взрыва федерального здания в Оклахоме в апреле 1995 г. выдвинул свои угрызания совести из-за собственных убийств ни в чем не повинных людей во время американской операции «Буря в пустыне» (13, с.392).

Вообще ненависть к США в мире начинает беспокоить экспертов (4, с.3–4), что пока никак не отражается на политике и стратегии США в мире. И это представляет собой серьезный фактор дестабилизации обстановки и создания серьезных психологических препятствий дальнейшему развитию в целом. К сожалению, среди антитеррористических мер, подготовленных Соединенными Штатами еще до событий 11 сентября, весьма основательных, обоснованных и подкрепленных необходимыми ресурсами, этот фактор практически не был принят во внимание. Между тем, недовольство политикой США в мире сопровождается обострением определенных противоречий и внутри страны, что требует дополнительного анализа.

3. Использование терроризма как военно-политического и экономического инструмента

События 11 сентября заставили определенные круги на Западе пересмотреть свои взгляды или, точнее, позиции по многим вопросам. Один из них – трактовка того, что происходит в Чечне. Из зоны нарушений прав человека за несколько часов территория одного из субъектов Российской Федерации превратилась в зону действий террористов, и для борьбы с ними на территории Грузии американские военные инструкторы обучают подразделения национальных вооруженных сил принимающей их страны.

Эти метаморфозы в сфере международных отношений по своей сути не несут ничего нового. Инструментарное использование терроризма характерно для обеих сторон – террористов и объектов их нападений на страновом уровне. Естественно, в спектре, например, религиозного терроризма всегда найдется культовая специфика, напрямую не связанная с достижением конкретных социальных целей. Однако на практике, если та или иная организация действует устойчиво, как правило, быстро находится

лидер, который начинает ее использовать, по крайней мере, на местном уровне в своих собственных целях. В этом смысле цели террористов достаточно легко выявить, если они не объявляют о них сами. Гораздо сложнее обстоит дело с противоположной стороной. Главная цель государства с рыночной экономикой – обеспечить условия для интенсивного развития бизнеса в лице прежде всего ведущих компаний страны. При этом перед спецслужбами такого государства возникает двуединая задача – предотвратить нанесение ущерба бизнесу со стороны террористических организаций и одновременно максимально их использовать для создания благоприятных условий его развитию. Отсюда – двойные стандарты в трактовке событий в Чечне, благоприятный финансовый режим для ресурсов террористических организаций, в ряде случаев активное стимулирование действий террористов против третьих стран.

Ситуация для стран–жертв терроризма, выступающих в двойной роли, после событий 11 сентября значительно осложнилась. Так как США вынуждены придерживаться официальной, бен Ладеновской версии происшедшего, которой многие специалисты, естественно, не верят, в течение определенного времени использование террористических организаций в старом ключе придется серьезно ограничить. В то же время настало время еще более эффектного представления международного терроризма как самой большой угрозы для мирового сообщества, что уже позволило приступить не только к программе ПРО, но и обосновать необходимость роста расходов на вооружения и наращивание военной силы в любом секторе этой сферы деятельности.

В целом же использование терроризма как политического и экономического инструмента со временем будет принимать все более изощренные формы, тем более, что глобальные компании пока еще не приступили к разработке руками государств стратегии ликвидации социальной напряженности в мире, которая и формально, и реально всегда будет источником мотивации деятельности террористических групп. Тем самым террористическая деятельность становится постоянным компонентом глобализации, что не способствует не только эффективному воспроизводству капитала, но и создает очевидные препятствия стабильному развитию, а на финансовом языке компаний это означает рост накладных расходов.

4. 11 сентября: Сценарии трактовки событий

В течение буквально двух–трех месяцев после трагических событий в Нью-Йорке и Вашингтоне сформировалось несколько сценариев происшедшего, каждый из которых заслуживает краткого рассмотрения (16). Первый сценарий, наименее вероятный, включает в себя возможность того, что террористы являются агентами иностранного государства. Это и самый удобный для руководства США сценарий, так как его принятие позволило бы провести простую военную операцию и обеспечить дальнейшую безопасность страны, подвергшейся нападению.

Второй сценарий – нападение совершено одной из многочисленных террористических групп, которую не представляется возможным идентифицировать, так как многие из таких групп занимаются одним и тем же. Такой сценарий привлекателен подтверждением необходимости глобальной борьбы с терроризмом, что позволяет увеличивать расходы на вооружения, развертывать систему ПРО и т.д. Однако он не конкретен и не позволяет предпринять срочные эффективные меры.

Усама бен Ладен – главный виновник событий. Это наиболее эффективный сценарий, не только позволяющий немедленно приступить к крупномасштабной военной операции, но и через выбор географии операции обеспечить решение целого набора задач, что до этого момента представлялось весьма сложным.

Четвертый сценарий сформулировал бывший министр обороны ФРГ Андреас фон Бюлов: «Похитить четыре громадных самолета в течение нескольких минут, в течение одного часа, используя сложные полетные маневры, довести их до целей! Это уму непостижимо без многолетней поддержки секретных служб государства и частного сектора» (8, с.50–52). Американский эксперт Линдон ЛаРуш проводит эту же мысль в другой форме: «Я смотрю на Америку как на Римскую империю. Ее развал и падение придут изнутри, а не с внешней стороны» (15, с.68–69).

И хотя наиболее реальным является именно четвертый сценарий, по многим причинам в ход был пущен другой, несущий в себе целый набор сиюминутных выгод как властным структурам и глобальным компаниям, так и тем силам, которые в действительности стоят за событиями 11 сен-

тября. Сценарий с бен Ладеном был также безоговорочно поддержан практически всеми мировыми средствами массовой информации, что фактически означало молчаливое принятие такой версии всем мировым сообществом.

Нельзя забывать и еще об одном факторе, который стоит за многими террористическими актами, какими бы ложными или реальными причинами они ни мотивировались: масштабы разрыва между богатством и бедностью в мире с каждым десятилетием ощутимо возрастают. Тем более актуальным представляется более подробно рассмотреть, в каком направлении, при каких условиях и через какие механизмы разрастание бедности может способствовать экспансии терроризма.

5. Углубление разрыва между бедностью и богатством: Причина и обоснование деятельности террористов

Бедность как социально-экономическое явление уже в течение более двух столетий служит предметом исследований в целом ряде стран, а к настоящему моменту разработаны и многоуровневая система определений бедности, и целый набор групп показателей бедности, и методики расчетов таких показателей (7). Однако на практике в большинстве стран мира и даже в рамках деятельности международных экономических организаций системы ООН действуют предельно простые показатели, например, под чертой так называемой крайней бедности подразумевается доход в 1 долл. на человека в день. При этом нередки случаи, когда организации, призванные на глобальном уровне снижать остроту проблемы, стремятся вместо этого приукрасить последствия своей практически безрезультатной деятельности искажением соответствующих показателей. Рассмотрение того, как это делается, позволяет одновременно выявить истинные границы бедности в глобальном масштабе (14, 7).

23 июля 2000 г. на Окинаве лидеры стран «большой семерки» заявили, что масштабы бедности в мире сократились с 29% в 1990 г. до 24% в 1998 г. Источником для этого заявления служил Доклад о глобальной бедности, представленный банками многостороннего развития, в состав которых входят Всемирный банк и Международный валютный фонд. По

мнению американского эксперта Тома Боланда, предоставление таких искаженных данных преследовало две цели: руководители «семерки» должны хорошо смотреться в глазах общественного мнения, а банки, входящие в группу банков международного развития, должны оставаться в бизнесе по разрешению проблемы бедности. На самом деле еще встреча на высшем уровне по социальным вопросам в Копенгагене в 1995 г. показала, что любая оценка уровня бедности на основе дохода на душу населения, по какой бы совершенной методике она ни проводилась, будет некорректной. Тем не менее, Всемирный банк настоял на критерии дохода 1 долл. на душу населения как показателя абсолютной бедности, и ООН быстро приняла этот критерий. Однако в таком случае никакого снижения масштабов бедности не происходит, и общее число бедных в мире составляет 1,2 млрд. человек. Если же за границу бедности принять доход на душу населения 2 долл. в день, то бедных в мире оказывается уже 2,8 млн. человек, что гораздо ближе к реальности. Кроме того, бедность сопровождается неравенством в доходах, которое во времени возрастает: на рубеже двух столетий доход 20 самых богатых стран стал в 30 раз выше 20 самых бедных по сравнению с 15-кратным превосходством 40 лет назад (5).

Профессор университета Оттавы (Норвегия) Майкл Чосудовский вообще считает методику оценки границы бедности через доход на душу населения в 1, 2 и даже 5 долл. в день на человека абсурдной, так как даже при последнем показателе невозможно обеспечить расходы на питание, одежду, жилье, здоровье и образование. Кроме того, такой подход приводит к невозможности реального сопоставления бедности в развитых, где, как известно, она присутствует в ощутимых размерах, и развивающихся странах. Например, известный и официально принятый в США порог бедности в 1996 г. составлял для семьи из двух взрослых и двух детей 16 035 долл. в год, что соответствует 11-кратному превышению порога бедности в развивающихся странах, т.е. служит наглядной демонстрацией всем известных двойных стандартов. М.Чосудовский приводит также сравнение долей бедного населения в ведущих развитых и некоторых развивающихся странах. При этом оказывается, что в ряде случаев доля бедного населения в странах «семерки» существенно

выше, чем во многих развивающихся странах, так как уровень бедности рассчитывается по-разному (6).

Объективные оценки показывают, что в мире, по критериям, используемым в ведущих развитых странах, насчитывается более 4 млрд. бедных и разрыв между бедностью и богатством возрастает. Одним из показателей бедности является неграмотность населения, составляющая около 1 млрд. человек, 70% – женщины. Только на Южную Азию приходится 437 млн. неграмотных. 98% неграмотных проживают в развивающихся странах (12). Как видно, приведенные данные, которые носят вполне официальный характер, свидетельствуют о том, что работа, соответствующая реальным потребностям ликвидации бедности на планете, просто еще не начиналась.

6. Информационные технологии и проблемы управления мировым сообществом

Последняя четверть ушедшего столетия стала периодом прорыва качественно новых информационных технологий не просто на рынки многих стран мира, но и в жизнь сотен миллионов людей. Как следует из предыдущих разделов статьи, всего лишь скромная доля населения планеты имеет доступ к таким технологиям в потребительском смысле – не более 40% американского населения могут себе позволить дома иметь персональный компьютер, в России насчитывается всего 4,5 млн. персональных компьютеров, из которых лишь 2,5 млн. являются домашними. Но этого количества и этой доли, оказывается, уже вполне хватает для того, чтобы существенно влиять на масштабы и направленность деятельности мирового терроризма. Агрессивный маркетинг разработчиков и производителей программных продуктов и «хардвэар» – компонентов самих компьютеров – заставляет потенциальных потребителей экономить на желудке, лишая себя многих социальных благ, но присоединяться к армии пользователей техническим устройством, ориентированным в основном на потребителей совершенно не нужных им услуг, но обеспечивающим открытие еще одного, не существовавшего ранее окна в мир, которое, в частности, предоставляет новые технические и социальные возможности террористам.

Как было показано выше, за террористами всегда стоят определенные круги, располагающие финансовыми средствами и использующие их в своих политических или экономических целях. Принимая во внимание, что террор в современных условиях требует технического оснащения, соответствующего уровню решаемой задачи, совершенно очевидно, что информационные технологии стали неотъемлемым компонентом подготовки и проведения террористических операций. События 11 сентября наглядно продемонстрировали более чем высокую оснащенность и подготовленность террористов к использованию и компьютерной техники, и техники связи. Один из путей обеспечения государством своего технического превосходства над террористами состоит в разработке и замкнутом, ограниченном использовании специальных информационных технологий, не доступных террористическим организациям. Однако реализация такого подхода столкнется с тремя серьезными препятствиями: наличием коррупции в государственных органах практически всех, даже претендующих на ее отсутствие стран, что неизбежно приведет к утечке закрытых технологий; игнорированием со стороны государств технологий, которые уже можно использовать для решения этой задачи, при условии выделения финансовых ресурсов на коммерциализацию таких технологий, одной из которых, в частности, располагает Россия, и в США это известно, но обе страны делают вид, что ее не существует; предоставлением доступа к Интернету со стороны сотен миллионов жителей планеты, что способствовало утрате контроля за умонастроениями пользователей. Как показывает сопоставительный анализ политического воздействия телевидения на взгляды избирателей, проведенный автором в 1998–2001 гг., или, если брать во внимание более широкую задачу, – формирование социально-политического настроения среди населения, – то американское, британское и французское телевидение объединяет одна черта: допуск к информации, которая может вызвать сомнение в правильности того, что делает правительство, весьма ограничен. В России, напротив, в 90-х годах просто разнузданно, а теперь также открыто, но более тонко и так же регулярно по телевидению идет информация, наносящая очевидный ущерб безопасности и престижу страны, формирующая у населения настроения неизбежности дальнейшего упадка и неспособности нации создать сильное государство.

В отличие от телевидения, Интернет многолик и доступен как источнику, так и потребителю информации. Отсюда, по крайней мере, три фактора, работающих на террористов. Первый – возможность использования совершенно открытой и самой дешевой шифрованной связи. Второй – возможность вести через Интернет пропаганду насилия и эффективности террористических методов. Третий – самый значимый и недоступный для воздействия со стороны антитеррористических сил. Речь идет о доступе к информации о бедности и богатстве, которая готовит идеологическую базу для будущих поколений террористов. Финансовые круги, стоящие за террористами, всегда будут использовать наиболее уязвимые социальные стороны развития для мотивации террористических действий. Поэтому все более актуальной становится проблема в широком смысле воздействия на Интернет без нарушения его прозрачности теми, кто претендует на свою способность управлять стабильным развитием мирового сообщества.

7. Терроризм и стратегия США в XXI столетии

11 сентября 2001 г. три стратегических объекта на территории США – два здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне – подверглись террористическому акту. С этого момента восприятие этого события всей мировой общественностью пошло по пути очевидной трактовки, активно поддерживаемой средствами массовой информации, которая сводится к двум положениям: во-первых, нападение подготовлено и совершено внешней враждебной силой, во-вторых, такой силой является мировой терроризм. Очень удобная и внешне привлекательная формулировка, за которой легко просматривается и логичное обоснование – США, став единственной мировой сверхдержавой, игнорируют нормы международного права, легко используют или выражают готовность использовать силу для обеспечения своих национальных интересов во всех регионах мира – и потому были наказаны. Однако за этой поверхностной, хотя и внешне привлекательной логикой, кроются гораздо более сложные мотивы и совершенно другие исполнители процедур, которые потрясли мир.

Ответ на многие связанные с этим вопросы нужно искать, как бы это на первый взгляд ни казалось странным, в столкновении двух взглядов на долгосрочную стратегию США. Один взгляд принадлежит определенным академическим кругам и тем силам в группе глобальных компаний, которые являются сторонниками баланса сил в мире и стабильного развития. Другой – сторонникам дисбаланса, односторонней экспансии и в конечном счете глобального конфликта с непредсказуемыми последствиями. Во второй группе игроков идеологом уже четверть столетия является З. Бжезинский, который основную часть жизни посвятил борьбе с Советским Союзом на идеологической основе, а последние полтора десятилетия – расчленению России на части, уже отбросив идеологическое прикрытие и не скрывая своих антипатий к этой стране. Противники З.Бжезинского в США, напротив, считают, что в долгосрочной перспективе США заинтересованы в сильной России, принимая во внимание, по крайней мере, три фактора: мировому лидеру нужен сильный, но стоящий чуть сзади соперник; российская карта может понадобиться в конфликте с Китаем; евразийские проблемы лучше решать чужими, т.е. российскими руками. Однако, как показывает практика 90-х годов и начала текущего десятилетия, побеждают сторонники З.Бжезинского, и ситуация в мире обостряется. В то же время, нельзя быть несправедливым к известному американскому политологу: быть может, всего один раз ему действительно удалось оказать реальную услугу американскому обществу: в своем бестселлере «Шахматная доска» он предупредил американцев, что самая большая опасность ожидает страну изнутри, что и было подтверждено 11 сентября.

Мир привык, что позиция США, какую бы форму она ни принимала, – это единая позиция американского государства и общества. Однако на самом деле такие времена уже прошли. Глобализация принесла резкое обострение противоречий между группами глобальных компаний. Поляризовались политические силы во взглядах на новую экономическую инфраструктуру мирового сообщества. Россия стала другой, практически приняла правила игры ведущих стран мира, а они прилагают максимум усилий, чтобы этого не замечать. Не могут не зреть противоречия между глобальными компаниями и нарождающимися транснациональными компаниями России, Китая, Индии. Быстрый рост населения планеты остро

ставит вопрос о перераспределении мирового национального богатства. Резко обострились отношения между США и Израилем – по С.Хантингтону, это произошло внутри «одной и той же цивилизации», – не те отношения, которые разносят по всему миру СМИ, показывая события в Палестине, а те, которые могут стоять за событиями 11 сентября и о которых широкие массы никогда не узнают. Вот почему представляет интерес трактовка этих событий профессионалами – оппозиционными политиками и отставными представителями спецслужб, которые могут позволить себе говорить больше, чем официальные лица.

Анализ событий и их последствий можно условно разделить на две части: сущность происшедшего и определение тех, кто за этим стоял; назначение и роль международного терроризма в операции 11 сентября. Линдон ЛаРуш, американский политик и эксперт по комплексным проблемам мирового развития, полагает, что это была попытка дворцового военного переворота (17, с.13). Ее можно трактовать как не удавшуюся, либо как репетицию того, что еще ждет США в недалеком будущем. Тезис ЛаРуша о том, что операция такого масштаба и тонкости исполнения могла координироваться только преступными элементами внутри и вокруг аппарата военных или специальных служб Соединенных Штатов, был активно поддержан французскими спецслужбами, которые ведут собственное расследование (18, с.48–49). Сам ЛаРуш допускает, что состав участников заговора несколько сложнее, чем чисто внутриамериканский: по его мнению, заговор был подготовлен и осуществлен в обстановке масштабного проникновения специальных служб Израиля в систему безопасности Белого дома (17, с.15).

Все, что произошло в течение нескольких месяцев после событий 11 сентября, заслуживает особого анализа. При этом вряд ли можно игнорировать следующие факторы. Во-первых, объявив бен Ладена как физическое лицо врагом Америки номер один, администрация США, искусно используя свои «ручные», а вовсе не независимые средства массовой информации, практически без труда убедила и общественность, и союзников по НАТО в том, что бен Ладен виновен в происшедшем, что позволило приступить к согласованию американо-британской военной операции в Афганистане. Во-вторых, судя по всему, никто и не собирается ис-

кать истинных виновников гибели около 3 тыс. человек, уничтожения зданий Всемирного торгового центра стоимостью несколько миллиардов долларов и нападения на такой объект, как здание министерства обороны самой могущественной в мире страны. Все это напоминает события другого осеннего дня 1963 г. в Далласе, после которого тоже никто не собирался серьезно заниматься поисками реальных преступников. В-третьих, как утверждает бывший руководитель Первого Главного управления КГБ Леонид Шебаршин, «...сценарий реакции американского общества на трагедию был заранее тщательно подготовлен» (1). Не менее тщательно были подготовлены и другие сценарии, в частности, появления американских военных в Киргизии, Узбекистане, Грузии. Единственный вопрос, который в этих условиях возникает, – где российские сценарии возможных ответных действий.

Подводя итоги двум связанным между собой событиям – террористическим актам 11 сентября и вторжению США в Афганистан, нельзя не видеть, что за каждым из них стоит стратегия, которая представляется единственно приемлемой для администрации и той части владельцев и менеджеров американских глобальных компаний, которые реально определяют ее политику, но которая на самом деле представляет громадную опасность для самих США и которую совсем не поддерживает другая часть владельцев и менеджеров глобальных компаний.

Анализ действий США в сфере международных отношений показывает, что новая внешнеполитическая стратегия США включает, среди прочих, по крайней мере, три компонента: демонтаж международных механизмов обеспечения стабильности, разработанных и принятых международным сообществом еще в эпоху биполярного мира; подмену национальными властными органами ООН и других международных организаций, что, в частности, проявилось в решении администрации США сместить Саддама Хусейна с поста главы государства; открытые претензии на присвоение чужих богатств, выразившееся, в частности, в объявлении Каспия зоной стратегических интересов США.

Такая стратегия носит подчеркнуто антиамериканский характер, что проявляется на трех уровнях – человеческом, государственном и корпоративном. Наличие потерь на первом уровне можно не обосновывать,

причем во времени они будут расти, что следует и из событий 11 сентября, и из того, что военные действия в Афганистане далеко не закончены. Взяв на себя право безнаказанно осуществлять ракетно-бомбовые удары по территориям целого ряда стран, Вашингтон дискредитирует те самые международные институты, для создания которых сам предпринимал в течение десятилетий огромные усилия. Ущерб престижу США при этом наносится такой, что для его восстановления потребуются как минимум десятилетия. Однако наибольшие потери несут глобальные компании, ради интересов которых якобы и реализуется выбранная стратегия.

Суть глобализации состоит не только в том, чтобы перераспределить функции между государством, глобальными компаниями и международными организациями, но и в том, чтобы создать условия для нового поколения ТНК, которые возьмут на себя миссию сформировать новые сегменты рынка для будущих глобальных компаний. Это можно сделать только в условиях стабильности. И чем активней США будут неправомерно использовать силу в международных отношениях, тем слабее будут позиции глобальных компаний как ведущих субъектов мирового рынка, определяющих всемирный порядок. Между тем, существует немало других, существенно более рациональных сценариев развития, требующих совершенно другой стратегии США.

Заключение. Многополюсный мир и искусство баланса интересов

Подводя итоги рассмотрению событий 11 сентября и тому, что последовало за ними, нельзя не видеть кризиса в развитии мирового сообщества на рубеже двух столетий. Этот кризис следует квалифицировать не как чисто структурный, как это было в середине 70-х годов, а скорее как социально-политико-экономический, так как и его формирование, и разрешение не могут ограничиваться только одной из сфер деятельности общества, государства и корпораций. Он несет в себе целый набор новых, не проявлявшихся ранее признаков: в частности, отмечается начало перехода от монопольного к олигопольному характеру контроля за рынками со стороны глобальных компаний; упоение превосходством соб-

ственного могущества со стороны мирового лидера, приводящее к серьезным ошибкам в сфере международных отношений и значительным материальным, финансовым и моральным потерям; перенакопление фиктивного капитала в ущерб физическому, что толкает его владельцев и политиков, которых они поддерживают, на опасные действия военно-политического характера с непредсказуемыми последствиями; очевидность утраты эффективного контроля за мировым развитием со стороны групп основных глобальных компаний и соответственно их генеральных топ-менеджеров в лице руководителей ведущих стран мира, что выражается в выхолащивании деятельности системы международных экономических организаций ООН, созданных полвека назад в качественно иных социальных условиях.

Назревающий кризис вполне разрешим. Перешедший из криминальной сферы в большую политику термин «надо делиться» уже имеет глобальную социальную основу в форме многополюсного мира (9). Переход к многополюсному миру исторически неизбежен, и США, если им повезет с мудрыми менеджерами национального и мирового масштаба, предстоит возглавить переход к новой социально-экономической архитектуре мира. Роль России состоит в инициировании и активном участии в этом длительном, но чрезвычайно необходимом процессе, который является неотъемлемой составной частью глобализации, что еще пока не вошло в сознание тех, кто управляет миром сегодня.

На фоне этих драматических тенденций терроризм как общемировое явление, который существовал, развивался и будет в дальнейшем своеобразным и неизбежным спутником социального несовершенства общества, именно в рамках назревающего глобального кризиса играет очень важную и чрезвычайно масштабную роль стрелочника. Активизация мирового терроризма, вызванная обострением социальных проблем, в частности, такого разрыва между бедностью и богатством, который ни с чем нельзя сравнить в историческом прошлом мирового сообщества, очень удобна, так как позволяет не только сохранять, но и наращивать военный потенциал, который мировому сообществу уже давно не нужен: развал Советского Союза более чем эффективно продемонстрировал всем, кто умеет активно содействовать такому развалу, что не военное могущество,

а как раз чрезмерное стремление к нему приводит к развалу империй. Как оказалось, тем не менее, исторические ошибки – даже стратегического характера и глобальных масштабов – никого не учат.

Единственным положительным последствием событий 11 сентября для мирового сообщества стало осуществление конкретных превентивных национальных и международных мероприятий, которые, несомненно, приведут к более жесткому контролю за подготовкой и пресечением террористических актов, а также сузят возможности дальнейшего прямого или косвенного использования международного терроризма для достижения политических и экономических целей.

Список литературы

1. Земцов Б. Леонид Шебаршин: «США построили сейчас мир в одну шеренгу...» // Независимая газ. – М., 2001, 20 окт. – С.3
2. Самойлова Р.М. Проблемы бедности в США. Труд за рубежом / – М., Институт труда Министрства труда РФ, 1995. – С.44–45.
3. Список террористических организаций / [Электронный ресурс] // Mode of access: http://www.voina.ru/a_ter.php
4. Axelrod S.A. Not everyone hates the United States. Soapbox Listener Commentaries. P.3–4. – [Электронный ресурс] // Mode of access: http://news.mpr.org/soapbox/social/010926_terrorism.shtml, p.4
5. Boland T. World Bank Cooks Poverty Statistics – Third World Network / 2000, August. – [Электронный ресурс] // Mode of access: <http://esf.colorado.edu/mailhomeless/2001/msg00289.html>
6. Chossudovsky M. Global Falsehood: How the World Bank and the UNDP Distort the Figures on Global Poverty / Features. Transnational Foundation for Peace and Future Research. – [Электронный ресурс] // Mode of access: www.transnational.org/features/chossu_worldbank.html
7. Fitzgerald T. Poverty: Its Definition and Measurement. Sociology Online. [Электронный ресурс] // Mode of access: www.sociologyonline.co.uk/Poverty.htm
8. Gallagher P. Opposition to «Osama did it»: Impact of LaRouche's Thesis // Executive intelligence review. – Wash., 2002. – January 25. – P.50–52.
9. Jenkins B.M. Terrorism and beyond: a 21st century perspective // Studies in conflict & terrorism. – Wash., 2001. – N 24. – P.324.
10. Lock and Load. John Shelley's Journal / 2001, November 30. – [Электронный ресурс] // Mode of access: http://www.gdnctr.com/nov_30_01.htm
11. Malvesti M. Explaining the US's decision to strike back at terrorists // Terrorism and Political Violence. – 2001. – Vol. 13, N 2. – P.102–103.
12. More about literacy. Feed the Minds / [Электронный ресурс] // Mode of access: www.feedtheminds.org/literacy/literacy_more.htm
13. Parachini J.V. Comparing motives and outcomes of mass casualty terrorism involving conventional and unconventional weapons //

Studies in conflict and terrorism. – Wash., 2001. – N 24. – P.392.

14. Portillo Z. No end to poverty in sight / [Электронный ресурс] // Mode of access: www.hartford-hwp.com/archives/40/100.html

15. September 11 must involve enemy within US // Executive intelligence Rev. – Wash., 2001. – Nov. 2. – P.68–69.

16. Strategic forecasting // 2001, September 14. – [Электронный ресурс] // Mode of access: www.stratfor.com, 2002, January 21.

17. Zbigniew Brzezinski and September 11th // Executive intelligence rev. – Wash., 2002. – Jan. – P.13.

18. Zepp-LaRouche H. French circles confirm thesis: Coup attempt unfolding in US // Executive intelligence rev. – Wash., 2001, Nov. 23. – P.48–49.